

В LIM была традиция: каждый раз, когда в команду приходил новый игрок, все отправлялись на совместный ужин. Чжао Нань забронировал отдельный кабинет в ресторане хого неподалеку от жилого комплекса и, едва переступив порог, включил кондиционер.

Поскольку из всех присутствующих только Юй Сицзин и Байбай любили острое, Чжао Нань попросил официанта переставить острую часть котла в один из углов девятиклеточной кастрюли. Байбай уже потянулся к стулу, чтобы сесть рядом с Юй Сицзином, но Цзян Цзюян опередил его и занял это место первым.

— ??? — Байбай застыл в недоумении.

— Спасибо, — небрежно бросил Цзян Цзюян, пресекая на корню вопрос Байбая о том, зачем тот занял его место.

Есть хого под кондиционером летом — такое же удовольствие, как есть мороженое в зимнюю стужу. Компания расселась вокруг дымящегося котла. Не дожидаясь еды, они заказали ящик пива, и каждый открыл по бутылке.

— Полегче там, — Чжао Нань, понимая, что остановить их не получится, лишь обреченно вздохнул. — Вспомните, как приходили Чэнь Ле и Двести, как вы потом напивались... Я даже вспоминать не хочу!

— Верно, пейте поменьше, а я пас. Я выпиваю тысячу чарок и не пьянею, пока остальные валятся с ног, — Цзян Цзюян даже без алкоголя был мастером поговорить. — В прошлый раз вы так накидались, что нам с водителем пришлось тащить вас в машину по одному, помните? Брат Чжао, особенно ты: упирался, стоял на стуле и вопил Непростительное. У меня даже запись есть.

— Лучше вспомни, как ты сам в базе устроил концерт, когда среди ночи выбежал на балкон и орал Умереть, но любить, — парировал Чжао Нань, указывая на Цзян Цзюяна. — А ну положи бутылку! Док...

Он не успел договорить, вспомнив, что Юй Сицзин еще не знает о проблемах Цзян Цзюяна со здоровьем. Однако эта заминка лишь подтвердила догадки Юй Сицзина.

Чэнь Ле толкнул его в бок и поднял бокал в сторону Юй Сицзина.

Позиция стрелка — самая опасная для рук. За последние два года, пока LIM возвращались в зону плей-офф, Цзян Цзюян был главным творцом успеха, и нетрудно было догадаться, под каким давлением он находился.

Юй Сицзин, вдыхая резкий запах крепкого алкоголя, погрузился в свои мысли.

Брат Шэн обратился к нему:

— Сяо Юй, тоже постарайся. Твоим товарищам нужно привыкнуть к тебе, а тебе — к ним.

Впрочем, характер у брата Шэна был куда мягче, чем у их школьного завуча. Тот напоминал Будду: вечно с выпирающим животом, полным мудрости, и термосом с ягодами годжи в руках.

Юй Сицзин вспомнил, как раньше они с Цзян Цзюяном сталкивались в школьных коридорах. Никто не хотел уступать дорогу, и одноклассники тут же бежали за завучем. Но до того, как тот успевал добежать, Цзян Цзюян неизменно совершал стратегическое отступление, заканчивая бескровную битву.

— Завтра начинается адский режим, готовьтесь к тому, что вас будут гонять до седьмого пота, — улыбаясь, сказал брат Шэн, успешно сменив тему и развеяв на мгновение повисшую в кабинете напряженную тишину.

Цзян Цзюян всегда подозревал, что Юй Сицзин установил какой-то сверхточный радар на нарушения, иначе как он умудрялся ловить его в каждый момент проступка? Из этих случаев можно было составить целый альбом под названием Хроники нарушений Цзян Цзюяна в старшей школе.

Но сейчас показывать слабость было стыдно. Когда Юй Сицзин уже собрался стиснуть зубы и залпом выпить крепкое спиртное, в поле зрения появилась длинная рука, которая забрала бокал с водкой и заменила его на апельсиновый сок.

Юй Сицзин совсем не умел пить, и неизвестно, чем бы это закончилось.

Цзян Цзюян бросил на Чжао Наня сердитый взгляд.

Юй Сицзин коротко ответил.

Цзян Цзюян искоса взглянул на Юй Сицзина. До того, как этот тип перевелся в Чэнму, за шесть семестров Цзян Цзюяну снимали меньше баллов дисциплины, чем за один семестр с этим старостой. Завуч и студсовет прекрасно знали о его проделках, но если удавалось поймать его хотя бы раз из десяти — это уже считалось успехом.

Хотя дисциплинарные баллы влияли на общий рейтинг, и при обнулении приходилось вызывать родителей к завучу, Юй Сицзин за два месяца снял с Цзян Цзюяна девяносто девять баллов, но так и не решился снять последний.

Как бы Цзян Цзюян ни нарушал правила, он так и не был вызван к завучу за обнуление счета вплоть до самого ухода из школы.

Быть пойманным Юй Сицзином означало лишь снятие баллов, а вот завуч — это штрафные стойки, объяснительные и вызов родителей. Что из этого хуже, было очевидно.

Дело плохо.

— Наконец-то хоть кто-то ест со мной острое! Ну, Зеро, за тебя! — Байбай быстро открыл бутылку, налил себе и Юй Сицзину по полстакана и с молодецким задором добавил: — Настоящие мужчины пьют шестидесятиградусную! Чэнь Ле тоже пил, это наша традиция при вступлении в команду!

Цзян Цзюян покачал бокал Юй Сицзина:

— У него плохая переносимость алкоголя. Я выпью за него.

Юй Сицзин:

— ?

Распространять слухи ничего не стоит, да?

Цзян Цзюян наклонился к самому уху Юй Сицзина:

— Младший брат, ты снова должен мне услугу.

Уши Юй Сицзина вспыхнули, и он невозмутимо парировал:

— Почему снова?

Цзян Цзюян беззвучно усмехнулся:

— Знал, что ты не помнишь.

— Ладно, — он выпрямился и с театральной скорбью добавил: — В любом случае, всякие пустяки, связанные со мной, не удостоились чести занять драгоценное место в голове нашего старосты. Ох, как же мне не везет...

Юй Сицзин крутил палочки в руках, игнорируя его.

На самом деле, он всё помнил.

В старших классах, чтобы вернуть долг, Юй Сицзин заменил ушедшего саппорта в команде Цзян Цзюяна и вместе с ним сбежал из школы через забор на турнир в интернет-кафе. Призовой фонд был пятьдесят тысяч, и глаза Цзян Цзюяна загорались при одном упоминании этой суммы.

Но в полуфинале у Цзян Цзюяна случились неприятности дома, и команде пришлось экстренно искать замену на роль стрелка. Только благодаря тому, что Юй Сицзин взял Стрелка и в одиночку вытянул игру, защитив своих, они прошли дальше.

В финале Цзян Цзюян играл как безумный, словно хотел сказать: если сегодня не возьму приз, то уничтожу противника вместе с собой. Он едва не довел нижнюю линию врага до слез.

На банкете после победы Юй Сицзин едва заметно нахмурился, глядя на уличную шашлычную, и Цзян Цзюян, стоявший к нему спиной, тут же изменил решение, поведя всех в более приличное место.

Друзья Цзян Цзюяна были головной болью завуча. Они враждебно относились к таким, как староста, но после нескольких партий в игры кое-как смирились с присутствием в своей компании чужака. Кто-то, желая подлизаться, чтобы потом было проще курить за школой, протянул Юй Сицзину пиво, но Цзян Цзюян перехватил бутылку и сунул ему сок.

Правда, отвлекшись, Цзян Цзюян сам случайно выпил соус соседа, и ему пришлось выпить пиво у трех или четырех друзей, чтобы прийти в себя.

Странно. Юй Сицзин подумал, что прошло столько времени, а он до сих пор помнит, во что был одет Цзян Цзюян и каждое его выражение лица. Помнит, как тот шептал ему на ухо, обдавая горячим дыханием: Младший брат точно не пьет, эту бутылку я возьму на себя. Запомни, ты снова должен мне услугу.

Юй Сицзин посмотрел на оранжевый напиток и сделал глоток.

Чжао Нань похлопал капитана по плечу, бросив взгляд, означающий, что истина всегда на стороне меньшинства.

Байбай открыл рот, растерянно глядя на них, пока Цзян Цзюян не допил и не перевернул бокал. Только тогда Байбай залпом осушил свой.

Это чувство, похожее на внезапное озарение во время экзамена, когда ответ уже на кончике языка, но никак не дается, было невыносимым.

— Юй Сицзин, как собираешься отблагодарить меня? — Цзян Цзюян, не упуская случая поиздеваться, продолжил выдумывать: — Ты, наверное, не знаешь, но когда ты пьяный, ты начинаешь обнимать меня и называть братиком, папочкой, мужем... Очень активный!

Байбай, тянувшийся к соусу, замер.

Родной брат, неужели ты не знаешь, что болтливые живут недолго?!

Юй Сицзин бросил на Цзян Цзюяна взгляд и внезапно вырвал из рук Байбая банку с острым маслом.

Байбай:

— ??? Почему вы оба вечно цепляетесь ко мне?

Юй Сицзин с ловкостью киберспортсмена зачерпнул несколько ложек красного масла и вылил их в миску Цзян Цзюяна, следом положив туда же огромную порцию только что сваренной баранины.

— Муж, кушай, — невозмутимо произнес он.

Цзян Цзюян, не успевший остановить его, застыл.

Все остальные уронили палочки.

Один лишь Юй Сицзин оставался спокойным:

— Муж, почему не ешь? Ты ведь так любишь баранину?

Всего два слова. Подумаешь, сказал — не убудет.

Главное — нанести противнику урон больше, чем он тебе.

— Это же чистое красное... — Деег не мог на это смотреть. Представив себя на месте Цзян Цзюяна, он почувствовал, как у него перехватывает дыхание. — От такого можно и умереть, нет?

Байбай с упоением вдыхал аромат перца:

— Ничего страшного, это масло не такое уж острое. Как-нибудь свожу вас в Чэнду, вот там настоящий адский огонь!

Все, кроме Юй Сицзина, вздрогнули:

— Мы сдаемся!

Цзян Цзюян опустил голову, десять секунд смотрел на ярко-красное мясо, затем отодвинул миску и слабо произнес:

— Ты мой муж... нет, ты мой предок, доволен?

А как же то, что он якобы не помнит?

Он ведь прекрасно помнит, что Цзян Цзюян больше всего боится острого!

Юй Сицзин одержал маленькую победу и с довольным видом закинул в котел еще порцию мяса.

Шум стих, все за столом молча подняли большие пальцы вверх. Менеджер Чжао беззвучно аплодировал.

Наконец-то нашелся кто-то, кто может сражаться с Цзян Цзюяном его же методами!

— Если не ешь, отдай другим, не переводи продукт, — Юй Сицзин встал. — Я выйду ненадолго.

— Я люблю острое, брат Ян, я помогу! Давай сюда! — Байбай с горящими глазами потянулся к миске. — Не ожидал, что Зеро так добр ко мне. Нас тут двое, кто ест острое, значит, он имел в виду меня...

Цзян Цзюян, уже готовый согласиться, услышав вторую часть фразы, тут же передумал:

— Вали отсюда, это мое!

Подумаешь, пара кусков мяса. Разжевал и проглотил, кто тут слабак?

Он сунул Байбаю остатки масла, взял миску и с видом героя, идущего на эшафот, отправил мясо в рот:

— Кто не пользуется халявой, тот...

Черт.

— Твою мать, Юй Сицзин, чтоб тебя...!!!

Цзян Цзюян сорвался на крик. Все наблюдали, как он в мучениях доедает баранину, залпом выпивает бутылку холодного пива и вылетает из кабинета.

В этот момент Юй Сицзин как раз заходил обратно с пакетом молока и проводил взглядом спину Цзян Цзюяна.

Байбай с банкой масла в руках выглядел озадаченным:

— Ты положил ему мясо, и он его доел.

Юй Сицзин:

— А чего он сам его съел?

Байбай передал слова дословно:

— Сказал, что кто не пользуется халявой, тот последний дурак, и еще проклял твою родословную.

— Оу, — Юй Сицзин посчитал, что в этой партии он победил с разгромным счетом, и бросил пакет молока на стул Цзян Цзюяна. — Идиот, который готов страдать ради мнимого достоинства.

Чжао Нань покосился на молоко:

— Купил специально для него?

— Нет, для себя, — холодно ответил Юй Сицзин. — Сейчас перехотел. Отдам тому, кто любит пользоваться любой халявой.

Как жаль, что это не записали, — подумал Чжао Нань, потирая подбородок. Если бы выложить это в соцсети под какую-нибудь романтическую музыку, LIM стали бы звездами, а лучшей парой года однозначно признали бы Великого Инь-Ян мастера.

<http://bllate.org/book/19645/1931796>